

БОРЬБА ЛИТОВСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ в 1915—1917 гг.

А. Ш. Стражас

В советской историографии проблема борьбы народных масс Литвы против колониального режима, установленного здесь германским империализмом в 1915—1917 гг., до сих пор не разработана. Значительно больше внимания уделялось исследованию следующего периода истории, когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и в результате широкого пролетарского и крестьянского движения, во главе которого стояли коммунисты, в Литве была установлена Советская власть¹. Необходимость всестороннего анализа революционных событий 1915—1917 гг. вызывается тем, что в буржуазной литовской и иностранной литературе распространяются лживые версии о том, что революционные события в Литве в 1918—1919 гг. произошли якобы не вследствие внутреннего развития, а представляли собой явление, импортированное литовскими большевиками из России². Именно поэтому реакционные буржуазные историки, освещая события 1915—1917 гг., чаще всего совсем замалчивают борьбу трудящихся Литвы за свое социальное и национальное освобождение в эти годы или приводят по этому вопросу только отдельные факты³. Реакционные германские и прогерманские авторы, грубо искажая действительность, также утверждают, что до «большевистской агитации в 1918 году» в Литве будто бы был полный покой⁴.

В настоящей статье сделана попытка дать краткий анализ истории борьбы трудящихся Литвы с германским империализмом и его пособниками из среды местных эксплуататоров в 1915—1917 гг. (до Великой Октябрьской социалистической революции).

Летом 1915 г. полчища германского кайзера Вильгельма оккупировали Литву. Источники⁵ изобилуют данными о неслыханных зверствах, совершенных захватчиками. Всего в Литве ими было уничтожено 92 тыс. крестьянских дворов (из 214 тыс.), тысячи зданий в городах, вырубле-

¹ V. Kapsukas. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija ir Tarybų valdžia. Vilnius. 1958; R. Šarmaitis. Darbo žmonių kova dėl Tarybų valdžios Lietuvoje 1918—1919. Vilnius. 1954; J. Žiugžda. Lietuvių tautos kova dėl Tarybų valdžios 1918—1919. Vilnius. 1948; А. М. Андреев. Борьба литовского народа за Советскую власть в 1918—1919 гг. М. 1954, и др.

² См., например, P. Klimas. Der Werdegang des litauischen Staates von 1915 bis zur Bildung der provisorischen Regierung im November 1918. Dargestellt auf Grund amtlicher Dokumente. Berlin. 1919. S. 176; B. Collander. Die Beziehungen zwischen Litauen und Deutschland während der Okkupation 1915—1918. Abo. 1935, S. 207.

³ «Lietuva Didžiąjame kare. Surinkto ir suredagavo P. Ruseckas». Vilnius. 1939.

⁴ B. Collander. Указ. соч., стр. 55.

⁵ См. газета «Виленские новости» №№ 60, 62, 72, 92 за 1915 год и др.: Отдел рукописей Научной библиотеки АН Литовской ССР (ОРАНЛ), VOL — 17; доклад вице-председателя «Росиенской гражданской временной комиссии» адвоката Складовского от 14 июня 1915 г. Отдел рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета имени В. Каспукаса-Мицкявичюса (ОРВУ), R5 2340, F. 493, 11.

но 63 тыс. га лесов⁶. Даже официальные представители Германии были вынуждены признать эти факты⁷.

Бесчинства германских империалистов в оккупированных областях вызвали глубокую ненависть народных масс. Были и другие важные причины для их враждебного отношения к захватчикам. Успехи стачечного движения накануне первой мировой войны показывали рабочему классу Литвы, что его борьба за социальное и национальное освобождение может увенчаться победой только в том случае, если он будет выступать в тесном боевом единстве с пролетариатом России⁸, руководимым революционной марксистской партией большевиков. Оккупация грозила разорвать тесные узы литовского пролетариата, связывавшие его с рабочими России, и наложить на литовцев тяжелое колониальное ярмо. Поэтому население оказывало всяческую поддержку отрядам русской армии. Отставшие от своих частей русские военнослужащие повсеместно в Литве находили приют⁹. В розыске Кретингского отделения германского полицейского управления при главнокомандующем Восточным фронтом, объявленном 22 октября 1916 г., говорилось о рабочем, лесорубе Пятрасе Жвирблинскасе: «В мае 1915 г. Жвирблинский присоединился к 12 казакам, которые бродили по лесам у Пивонии в тылу германского фронта. В конце мая или в начале июня 1915 г. он провел казаков через фронт к русским, которые стояли у Векшны. После этого последовал прорыв многих тысяч казаков, которые 18 июля разгромили обозы 106 полка у Биржинян...»¹⁰. Летом 1915 г. близ города Тельшяй была уничтожена другая немецкая колонна, стоявшая в обозе. Тайная полиция установила, что в этом нападении участвовали местные батраки и малоземельные крестьяне Антанас Гереба и Антанас Вилкас из деревни Патумшаляй и Юозас Зилевичус из деревни Сакалай¹¹. В июне того же года в Расейняйском уезде оккупанты предали военно-полевым суду многих рабочих и батраков за порчу ими телеграфных проводов, телефонной связи и за поддержку русских военнослужащих¹².

Во время как народ все более проникался ненавистью к немецким захватчикам, буржуазия и помещики заискивали перед ними. В начале войны имущие классы Литвы занимали верноподданническую позицию по отношению к русскому царизму и рассчитывали на поражение Германии. «Когда началась война,— писал руководитель литовских большевиков В. Капсукас-Мицкявичус,— литовская буржуазия чувствовала себя связанной крепкими узами с русской буржуазией и ее государством. Она даже не мечтала о какой-либо независимости, а лишь стремилась к победе России...»¹³.

Делая ставку на военную победу царизма, литовская буржуазия и помещики боялись, однако, народных выступлений против германских оккупантов. Они считали, что эти действия могут перерасти в широкое антиимпериалистическое движение вообще, в борьбу против всякого угнетения. Поэтому, не высказываясь открыто за сотрудничество с германской армией, литовская буржуазия одновременно призывала население воздержаться от активных действий против оккупантов. В этом

⁶ E. J. Harrison. Lithuania. London. 1928, p. 33. Латышско-литовская конференция, происходившая в Берне в августе 1915 г., опубликовала резкий протест в связи со зверствами германских войск. См. A. V i s c o n t. La Lituanie et la guerre. Genève. 1917, p. 181.

⁷ См. Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin und Leipzig. 1927, S. 561.

⁸ «Naujoji Gadynė» (Филадельфия), 1916, № 2, стр. 85.

⁹ ОРАНЛ, VOL — 17.

¹⁰ Центральный государственный архив Литовской ССР (ЦГА Лит. ССР), ф-р. 1208, оп. 1, д. 879, л. 1.

¹¹ ОРАНЛ, VOL — 17.

¹² Из доклада Складовского. ОРВУ, R5 2340, F. 493.

¹³ «Naujoji Gadynė», 1916, № 6, стр. 342.

смысле характерна речь заместителя председателя так называемой «Временной комиссии» города Расейняй (орган, созданный после эвакуации русских чиновников и состоявший из представителей буржуазии, помещиков и духовенства). Во имя «верноподданнической присяги» царю он призывал народ не оказывать никакого содействия неприятельской армии. Вместе с тем он убеждал не сопротивляться захватчикам¹⁴. В таком же духе выступил и председатель этой комиссии ксендз Дочкус.

Однако ставка литовской буржуазии и помещиков на победу царской России оказалась битой. В связи с этим их позиция начала быстро меняться. Чиновники германской тайной полиции заметили эту перемену уже в конце октября 1915 года. Начальник Курземской тайной полиции барон Капгерр, в подведомственную территорию которого входило и литовское побережье Балтийского моря, 25 октября писал главнокомандующему Восточным фронтом: «Хотя большинство местного населения настроено дружелюбно в отношении России, уже раздаются голоса тех, кто уже начинает применяться к новым условиям и видит в немецком управлении благодать... Это прежде всего гроссбауэры, которые приятно ощущают повышенные цены, получаемые ими за свои сельскохозяйственные продукты... Стремление применяться к обстоятельствам проявляется во всех имущих слоях, которые уже рассчитывают на аннексию»¹⁵. К началу 1916 г. между расейняйским крейсгауптманом (начальником уезда) и упомянутой выше «Временной комиссией» установилось полное согласие. Даже жалобы населения на злоупотребления «Временной комиссией» крейсгауптман переадресовывал последней¹⁶. Таким образом, основная тяжесть колониального режима, введенного германскими империалистами в Литве, легла на плечи трудящихся¹⁷.

Военная оккупация обострила классовые противоречия. После прихода германских войск особое значение приобрело в Литве аграрное движение. Батраки, безземельные и малоземельные крестьяне, воспользовавшись замешательством среди помещиков, вызванным отступлением русской армии, нападали на поместья, делили помещичий инвентарь. После установления оккупационного режима батраки стали требовать увеличения оплаты их труда, а также вынужденного простоя, вызванного военными действиями, улучшения питания. Они бросали работу без предупреждения, если не удовлетворялись их требования. Когда помещики пытались снизить оплату рабочим под предлогом военных трудностей, последние «энергично требовали... обеспечения жильем, питанием и оплатой по довоенному уровню». Военные власти оказывали содействие местным помещикам, отбирали у крестьян лошадей, ссылаясь на то, что они якобы принадлежали помещикам. Крестьян принуждали работать не только в помещичьих, но и в секвестрированных имениях на самых невыгодных условиях, при этом предписывалось строго соблюдать установленный максимум заработной платы¹⁸. Такая мера вызывалась тем, что оккупационное управление, секвестрировав многие предприятия и сделавшись крупнейшим эксплуататором, диктовало свои цены на рабочую силу, что было выгодно и местным «работодателям». Чем теснее последние связывали свою судьбу с оккупантами, тем больше классовая борьба переплеталась с движением против германских захватчиков. Правда, по мере того, как «Немецкое военное управление» вытесняло литовскую буржуазию и помещиков с их экономических позиций, эти классы вспоминали о лозунге «независимости Литвы»¹⁹.

¹⁴ ОРВУ, Rš 2340, F. 493, 1 l.

¹⁵ ОРАНЛ, VOL — 17.

¹⁶ ОРВУ, Rš 2341, F. 484, 851—853 l.

¹⁷ См. А. Ш. Стражас. Колониальный режим германских империалистов в Литве в годы первой мировой войны. «Вопросы истории», 1958, № 12.

¹⁸ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 53, лл. 15, 22, 23, 43; д. 359, л. 6.

¹⁹ «Naujoji Gadynė», 1916, № 6, стр. 345.

Однако эту «независимость» они думали получить из рук кайзеровской Германии как плату за сотрудничество. Лишь трудящиеся были подлинными защитниками национальной независимости, только они вели борьбу против колонизаторов.

До первой мировой войны Литва была аграрной страной. В 1913 г. на предприятиях, находившихся под наблюдением фабричной инспекции, насчитывалось 20,5 тыс. рабочих²⁰ (включая польские и белорусские районы Виленской и Сувалкской губерний), что составляло лишь 0,44% населения страны. Из числа городских жителей на долю рабочего класса (вместе с семьями) приходилось около половины, но состоял он главным образом из рабочих-ремесленников²¹. Численность городского пролетариата, особенно рабочих, занятых в крупной промышленности, в связи с войной сильно уменьшилась, так как одна часть рабочих была эвакуирована в глубь России вместе с заводами, а другая — мобилизована в русскую армию. В период оккупации многие рабочие, спасаясь от голода и безработицы, а затем от принудительного труда, рассеялись по деревням. Тысячи пролетариев были увезены на каторжный труд в Германию, попали в так называемые батальоны принудительного труда, тюрьмы и концентрационные лагеря. Следовательно, наиболее революционный элемент населения — промышленные рабочие — оказался весьма малочисленным.

Распыление рабочего класса входило в планы оккупационных властей. Однако подобные действия колонизаторов не уничтожили боевого духа рабочих Литвы, хотя и значительно ослабили их сплоченность. Оставляя города и убягая из батальонов принудительного труда в деревню, рабочие мобилизовывали деревенскую бедноту на беспощадную борьбу с захватчиками и их пособниками. Они придавали движению на селе решительность и некоторый элемент организованности.

С другой стороны, сложившаяся обстановка не могла не вызвать частичного перемещения центра тяжести антиимпериалистической борьбы из города в деревню. Это, в свою очередь, отрицательно сказалось на организованности движения в целом. Литовская деревня насчитывала в то время 426 тыс. безземельных крестьян²² (вместе с семьями), из которых около 200 тыс. представляли собой постоянные кадры сельскохозяйственного пролетариата²³. Примерно 40% крестьянских хозяйств не имели возможности прокормить своих владельцев²⁴.

Кроме того, в Литве в изучаемый период фактически не было революционной марксистской партии, способной возглавить народные массы в их борьбе за свое социальное и национальное освобождение. В условиях колониального режима, когда, по словам В. Капсукаса-Мицкявичюса, «больше всех страдали пролетарские и полупролетарские элементы... и их отдельные классовые интересы проявились ярче обыкновенного... было некому сформулировать их требования и показать им путь сознательной классовой борьбы»²⁵.

Революционные организации Социал-демократической партии Литвы (СДПЛ) после поражения революции 1905—1907 гг. были разгромлены царскими властями²⁶. Их восстановление, идейное сплочение и объединение под марксистско-ленинским руководством до начала войны не было завершено. Оккупация не только приостановила этот процесс, но рассеяла и ослабила революционные силы края. Правда, в

²⁰ «Statistinės žinios apie Lietuvą ligi karui 1914 m.». Kaunas. 1920, 20, 21, psl.

²¹ Р. Шармай蒂斯. 40-летие Коммунистической партии Литвы. «Советская Литва» № 235, 4 октября 1958 года.

²² Там же.

²³ См. «Naujoji Gdynė». Vienkartinis darbininkų leidinys. Kaunas. 1922.

²⁴ «Naujoji Gdynė», 1917, № 1, стр. 35.

²⁵ Там же, стр. 35, 36.

²⁶ А. М. Андреев. Указ. соч., стр. 15.

Вильнюсе существовали группы РСДРП, СДПЛ, Бунда, «Белорусской социалистической громады», «Польская социалистическая группа». Однако они не могли возглавить борьбу трудящихся, были малочисленны и являлись либо меньшевистскими, либо стояли на позиции буржуазного национализма и рассчитывали на милость кайзеровской Германии. Германские колонизаторы вытащили на сцену бывших деятелей СДПЛ Ст. Кайриса и М. Биржишку, позорно бежавших из партии в годы реакции. Они стали проповедовать «burgfrieden» (гражданский мир), отвлекая народные массы от революционной борьбы разговорами о возможности создания «независимой демократической Литвы» с помощью империалистической Германии²⁷. Недаром рабочие называли их «кайзеровскими социалистами»²⁸. Вместе с литовскими буржуазными националистами и клерикалами эти социал-предатели оказались пособниками германского империализма, играя при нем роль казенных «рабочих представителей». Именно о них В. И. Ленин писал: «...опыт показывал нам сотни раз, как мелкобуржуазные «социалисты» разных стран — всякие якобы социалисты польские, латышские, литовские, грузинские меньшевики, эсеры и прочие — перекрашивались в сторонников пролетариата с единственной целью протащить обманом политику соглашательства с «своей» национальной буржуазией против революционных рабочих»²⁹.

Таким образом, трудящиеся Литвы в 1915—1917 гг. были лишены надлежавшего руководства, и борьба их против оккупантов развевывалась стихийно. Правда, с течением времени движение становилось все более организованным. В Сувалкии и Жемайтии возникли революционные подпольные группы, противодействовавшие вывозу молодежи на принудительные работы в Германию, издавались воззвания и рукописные газеты, призывавшие народ к борьбе с оккупантами и сотрудничавшими с ними клерикалами и т. д.³⁰. Уже в 1916 г. в разных местах Литвы (в Маргемполе, Соснаве, Шунскай, Седе, Илакяй и др.) появились подпольные кружки и организации, руководителями которых были в основном литовские революционные социал-демократы. Эти кружки ставили задачу бороться против введенного оккупантами режима национального угнетения³¹.

По всей Литве действовали небольшие подпольные группы и отдельные социал-демократы, постепенно переходившие на марксистские позиции. В Вильнюсе, например, развернул свою деятельность председатель Центрального Бюро профсоюзов Пранас Ейдукиявичюс, ставший в 1918 г. одним из организаторов Коммунистической партии Литвы³². В Ионишкиском уезде работали И. Гашка (бывший учитель), рабочий-революционер Пранас Стрепейка и др.³³. Однако в условиях распыленности пролетариата, жесточайшего террора и ограничений, введенных колонизаторами, невозможно было сразу объединить революционные силы края.

В изучаемый период, особенно после Февральской революции, происходила консолидация революционных элементов из числа литовских рабочих, находившихся в России. Сюда вместе с крупными заводами был вывезен цвет литовского пролетариата. Всего было эвакуировано

²⁷ См. V. Karsukas. Nauji Diplomatai; «Naujoji Gdynė», 1916, № 3, стр. 172.

²⁸ «Naujoji Gdynė», Vienkartinis darbininkų leidinys, 16 psl.

²⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 271.

³⁰ Р. Шармайтис. Указ. соч.; см. также «Revoliucinis judėjimas Lietuvoje». Vilnius. 1957, 231 psl.

³¹ R. Šarmaitis. Kova prieš vokiškuosius okupantus 1915—1918 m. «Revoliucinis judėjimas Lietuvoje», 160 psl.

³² R. Šarmaitis. Pranas Eidukevičius. «Revoliucinis judėjimas Lietuvoje», 713 psl.

³³ I. Gaška. Joniškėlio apskrities darbo žmonių kova už darbininkų ir valstiečių valdžią 1915—1919 metais. «Revoliucinis judėjimas Lietuvoje», 231—233 psl.

160 промышленных предприятий³⁴. Сотни тысяч жителей Литвы обосновались в Петрограде, Москве, Воронеже, Нижнем Новгороде, Туле, Одессе, Ростове-на-Дону и т. д.³⁵ Еще в 1916 г. в Петрограде, Москве, Воронеже и других местах начали создаваться литовские районы (с осени 1917 г. — секции) при местных большевистских организациях. После Февральской революции эти секции значительно выросли. Они вели политическую работу среди эвакуированных литовцев.

10 октября 1917 г. было создано Центральное Бюро литовских секций РСДРП(б). Под руководством Центрального Комитета большевистской партии это бюро выполнило огромную работу по мобилизации тысяч литовских рабочих, крестьян и солдат на борьбу за победу социалистической революции. Руководители литовских большевиков В. Капсукас-Мицкявичюс, З. Ангаретис, Ю. Янонис, Ю. Опанскис и др. провели чистку рядов литовских партийных организаций от пробравшихся туда меньшевистских элементов и оппортунистов. Центральное Бюро издавало журнал «Комунистас» (в Воронеже), брошюры и листовки, которые распространялись большими тиражами среди литовских трудящихся, находившихся в России. Были организованы курсы, готовившие партийные и советские кадры для работы в Литве³⁶ и т. д.

В этот период сплочения революционных сил Литвы и подготовки к созданию Коммунистической партии огромную роль сыграла газета «Тiesa» («Правда»), первый номер которой вышел 12 апреля (30 марта) 1917 года. «Тiesa» была первоначально органом Литовского района Петроградского комитета РСДРП(б), а с 3 ноября 1917 г. стала органом Центрального Бюро литовских секций. Независимо от трудностей при сборе необходимых данных, газета рассказывала правду о положении населения на территории оккупированной Литвы. Она печатала воззвания к литовским трудящимся, боровшимся против захватчиков и их пособников, пропагандировала опыт большевиков, разоблачала буржуазных националистов и социал-предателей, продававших Литву прусской военщине. В одном из воззваний «К рабочим Литвы» говорилось: «Рабочие Литвы не должны поддерживать Кайрисов, Янулайтисов, а должны присоединиться к революционным массам России и вместе с ними идти к общей цели... Мы, революционные социал-демократы, призываем из России рабочих Литвы присоединиться к нам, ибо лишь при победе революции рабочих России дождутся лучшего и рабочие Литвы»³⁷. Вместе с тем следует отметить, что многие литовские революционные социал-демократы и даже лучшие из них, как В. Капсукас-Мицкявичюс, не были в то время свободны от некоторых «ошибок люксембургского порядка»³⁸. Однако в процессе революционной борьбы они прочно встали на марксистско-ленинские позиции.

Трудящиеся оккупированной Литвы с большой надеждой воспринимали доходившие до них сведения о событиях в России, где рабочие и крестьяне под руководством большевиков и великого В. И. Ленина вели героическую борьбу за свержение буржуазно-помещичьего строя. В среде народных масс Литвы, «особенно после революционных событий 1917 г., начали расти симпатии к революционным марксистам»³⁹. Но насущная потребность в революционной марксистской партии была удовлетворена здесь только в 1918 году. В изучаемый же период в Литве

³⁴ Р. Шармайтис. 40-летие Коммунистической партии Литвы.

³⁵ В начале 1916 г. Литовский комитет по оказанию помощи лицам, пострадавшим от войны, число беженцев исчислял в 300 тысяч. См. газету «Ukrainische Nachrichten» (Wien) № 72, 29 января 1916 года.

³⁶ R. Šarmaitis. Spalio revoliucijos įtaka Lietuvoje. «Revoliucinis judėjimas Lietuvoje», 168 psl.

³⁷ «Tiesa» № 2(39), 23 декабря (5 января) 1917 года.

³⁸ A. Sniečkus. Vincas Mickevičius Kapsukas. «Revoliucinis judėjimas Lietuvoje», 616 psl.

³⁹ «Naujoji Gdynė». Vienkartinis darbininkų leidinys. Kaunas. 1922. 16 psl.

действовали лишь разрозненные кружки и отдельные революционные социал-демократы.

Несмотря на неблагоприятные условия, трудящиеся Литвы в 1915—1917 гг. наносили чувствительные удары оккупантам, продолжая в то же время вести борьбу против своих классовых врагов — сообщников кровавого германского империализма.

Одной из самых распространенных форм пассивного сопротивления захватчикам было уклонение от поставок сельскохозяйственных продуктов и сырья. Крестьяне прятали свое добро от жандармов и от реквизиционных команд, закапывали продукты в землю, а скот «угоняли в леса»⁴⁰, использовали любую возможность, чтобы уклониться от выполнения требований оккупантов⁴¹. Эта пассивная форма сопротивления часто перерастала в активную — в вооруженные выступления крестьян отдельных деревень против германских реквизиционных команд. По сообщениям крейсгауптманов, изъятие продуктов у местного населения стало невозможным без участия солдат. Юшинтский крейсгауптман доносил, что реквизиции часто вызывают волнения среди крестьян⁴². С оружием в руках выступили против оккупантов жители деревни Самантоняй, Укмергского района (весна 1917 г.), и села Гиркальнис, Расейняйского района (летом 1916 г.). Карательный отряд учинил в этом селе расправу, в результате которой «почти вся местность была опустошена»⁴³.

Другой формой пассивного сопротивления было уклонение от выполнения установленных оккупантами трудовых повинностей. Во многих местах им приходилось применять военную силу, чтобы заставить население работать на строительстве и ремонте дорог, мостов, а также в секвестрированных поместьях. Оккупационные власти были обеспокоены частыми случаями ухода рабочих из батальонов принудительного труда⁴⁴. Эти беглецы укрывались в лесах и деревнях, пополняя ряды «лесных братьев», сражавшихся против захватчиков и их пособников.

Трудящиеся Литвы постепенно переходили к более активным формам антиимпериалистической борьбы. Инициатором выступал городской пролетариат. Весной 1915 г. в связи с введением карточной системы рабочие города Шауляй начали готовить всеобщую забастовку. Местные помещики (например, граф де Ласси) сообщили об этом германским властям, и забастовка была задушена в самом зародыше⁴⁵. В следующем году, несмотря на строжайший военный режим, произошла стачка рабочих электростанции и некоторых других предприятий Вильнюса⁴⁶.

Острая борьба в 1915—1917 гг. развернулась в деревнях и селах края. Одной из самых распространенных форм ее были поджоги зданий местных органов военного управления, домов кулаков и помещиков, сотрудничавших с оккупантами, амбаров, в которых хранились продукты, предназначенные для сдачи властям, и т. д. Об этом неоднократно сообщали крейсгауптманы⁴⁷. Население повсюду расправлялось с ненавистными чиновниками военного управления, убивало военнослужащих германской армии⁴⁸, наносило всяческий ущерб тылам кайзеровской армии, выводило из строя линии связи, пути сообщения и т. д. Охране

⁴⁰ E. Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. Berlin. 1919, S. 153.

⁴¹ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 572, л. 22; д. 52, л. 134.

⁴² Там же, д. 53, л. 61; д. 359, л. 13; д. 572, л. 115.

⁴³ Там же, д. 700, лл. 122, 164, 175, 184, 199; д. 53, л. 76.

⁴⁴ Там же, д. 572, лл. 33, 68; д. 53, л. 201.

⁴⁵ ОРАНЛ, VOL — 17.

⁴⁶ R. Sargaitis. Lietuvos Komunistų partijos pirmojo suvažiavimo sušaukimo istorijos klausimu. Vilnius. 1954, 9 psl.

⁴⁷ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 728, л. 5; д. 388, л. 14; д. 53, лл. 53, 54; д. 119, л. 14.

⁴⁸ Там же, д. 883а, лл. 162, 228, 232.

железных дорог приходилось, по словам официального документа, проявлять особую «решительность... оберегая поезда от катастроф»⁴⁹.

Чиновники оккупационного управления неоднократно заявляли, что большинство активных действий против германских колонизаторов совершается вооруженными отрядами русских военнослужащих и местных трудящихся, оставшихся в памяти народа под именем «лесных братьев». Их деятельность всячески стремились опорочить литовские буржуазные националисты, преднамеренно называвшие «лесных братьев» «грабительскими бандами»⁵⁰. Эти фальсификации не находят подтверждения даже в документах «Немецкого военного управления в Литве». В условиях, когда классовая борьба переплеталась с движением против оккупантов, партизанские действия «лесных братьев» способствовали развитию революционных событий в Литве. «Население предоставляет приют находящимся повсюду... русским солдатам и оказывает им содействие...» Отряды русских солдат «совершают нападения... и могут, в случае более крупных военных действий русских войск, нанести нам ущерб и сеять панику в тылу нашего фронта», — указывалось в одном из сообщений германской тайной полиции осенью 1915 года⁵¹. Небольшие отряды русских военнослужащих действовали в окрестностях деревень Камитава, Повирвитис, Пурвайнис, расположенных южнее местечка Тришкяй, в местности между Луоке и Векшняй, в лесах около местечек Шедува и Шилува, на северо-восток от Видукле⁵², и т. д.

В лесах и деревнях Литвы также скрывались русские солдаты, бежавшие из германских лагерей для военнопленных. С 1 сентября по 25 ноября 1915 г. «сбежало не менее 398 человек» из одних только лагерей этапной инспекции Неманской армии⁵³. В Литву прибывали также русские военнопленные, бежавшие из лагерей, расположенных на территории Германии. Расейняйский крейсгауптман доносил в июле 1916 г. о скоплении вооруженных людей между селом Гиркальнис и рекой Нямунас. Германское командование весной и летом того же года провело операции по «прочесыванию» лесов в Шауляйском, Паневежисском, Ионишкелиссском, Расейняйском, Купишкисском и других крейсах (уездах)⁵⁴. Сами оккупанты признавали, что уничтожить отряды «лесных братьев» или даже нанести им значительный урон не удалось. Но карательные действия захватчиков препятствовали консолидации мелких отрядов. Существовавшие в ряде районов значительные группы русских военнослужащих вынуждены были небольшими отрядами переходить в другие места⁵⁵.

Тюремные книги, содержащие данные о русских военнослужащих, попавших в руки оккупантов и приговоренных военно-полевыми судами к смертной казни или к длительному тюремному заключению, показывают, что это были главным образом рабочие и крестьяне. Среди этих заключенных было немало рабочих из самой Литвы и Курземе⁵⁶. Среди русских военнопленных были и лица, дезертировавшие из русской армии, не желавшие служить царизму в империалистической войне. Многие трудящиеся, одетые в солдатские шинели, знали уже, что «посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу

⁴⁹ Там же, д. 728, лл. 40, 41.

⁵⁰ P. Klimas. Указ. соч., стр. 176.

⁵¹ ОРАНЛ, VOL — 17.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, VOL — 42.

⁵⁴ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 53, лл. 66, 67, 87; д. 572, л. 23; ср. «Lietuva Didžiajame kare...», 187 psl.

⁵⁵ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 233, л. 60.

⁵⁶ Там же, д. 700, лл. 13, 48, 506, 520, 642, 705; ОРАНЛ, VOL — 42, VOL — 17.

и самих великороссов»⁵⁷. Они знали, что такие же цели преследует в войне и Германия.

Бывшие солдаты российской армии — русские, белорусские, литовские, латышские, польские рабочие и крестьяне — установили тесную дружбу с трудящимися Литвы и вели совместную с ними антиимпериалистическую борьбу. Именно поэтому представители эксплуататорских классов ненавидели «лесных братьев». По вопросам борьбы с ними крейсгауптманы регулярно совещались с помещиками, кулаками и другими представителями имущих слоев населения⁵⁸. Агентурой оккупантов являлись в большинстве своем деревенские старосты, которых военная администрация отбирала из среды кулаков и разных отбросов общества. «Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры» — всеми силами помогали оккупантам подавлять сопротивление трудового населения. «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье..., — указывал В. И. Ленин, — входило в союз с иноземными капиталистами и против рабочих своей страны»⁵⁹. Начальник «Немецкого военного управления в Литве» князь Изенбург-Бирштейн часто отмечал в своих приказах старост — кулаков, которые проявляли «усердие» в деле ограбления своего народа и в преследовании активных борцов, выступавших против оккупантов⁶⁰.

По мере роста революционных настроений в России и усиления пропаганды, которую вела среди военнопленных в Германии и Австро-Венгрии русская революционная эмиграция⁶¹, в отрядах «лесных братьев» все сильнее чувствовалось влияние революционных идей, приносимых сюда бежавшими из немецких и австрийских лагерей русскими солдатами. «Лесные братья» становились серьезным препятствием для осуществления германских колониальных планов в Литве. «Положение угрожает параличом всего управления... Жандармам, лесным сторожам, хозяйственным солдатам и благосклонно настроенным к нам жителям часто присылают угрозы, что они будут устранены», — так характеризовал положение в июле 1916 г. расейняйский крейсгауптман. В соседних районах (Шауляй и Юрбаркас) положение было еще более напряженным. Германские военнослужащие могли передислоцироваться только крупными отрядами, способными выдержать бой с «лесными братьями»⁶². С помощью последних литовские крестьяне истребляли реквизиционные команды и деревенских старост⁶³.

На секретном совещании у главного интенданта германской армии в Берлине 22—23 января 1916 г. решено было ввести оплату за реквизируемые продукты, правда, специальными денежными знаками («остмарками») ⁶⁴, которые на деле не имели почти никакой цены. Но и после этого литовские крестьяне продолжали повсеместно уклоняться от поставок, опираясь на помощь «лесных братьев», действовавших все активнее. В ноябре 1916 г. последние решили разгромить штаб военного управления Расейняйского крейса. Нападение было предотвращено только карательной экспедицией в составе свыше тысячи солдат и офицеров совместно с крупными силами полиции и жандармерии⁶⁵. Помощь трудящихся придавала вооруженным отрядам «лесных братьев» ту силу и маневренность, которые так удивляли оккупантов. Командир военной экспедиции, которая действовала в конце 1916 г. в Расейняйском и Юрбаркаском крей-

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 278.

⁵⁸ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 53, л. 67.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 38—39.

⁶⁰ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 883а, л. 150.

⁶¹ Каунасский филиал ЦГА Лит. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 3, л. 17.

⁶² ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 53, лл. 56, 67, 87.

⁶³ «Lietuva Didžiajame kare...», 45 psl; ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 52, л. 119.

⁶⁴ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 883, л. 13.

⁶⁵ Там же, д. 53, лл. 87, 105.

сах, генерал-майор фон Редер заявил, что поддержка со стороны местных жителей является главным источником силы вооруженных отрядов⁶⁶.

Антиимпериалистическое движение трудящихся Литвы ослабляло военную мощь кайзеровской Германии, заставляя ее бросать все новые и новые силы для того, чтобы удержать завоеванный край в повиновении. Для подавления этого движения использовались специальный жандармский корпус, полевая жандармерия, полиция, ландштурм, карательные экспедиции регулярной армии. Однако «Немецкое военное управление в Литве» постоянно требовало подкреплений. Начальник этапной инспекции генерал-лейтенант фон Харбау в начале августа 1916 г. раздраженно писал о том, что командование больше не в состоянии давать подкрепления. Но уже в конце того же месяца пришлось выделить дополнительно 11-й полк егерей для подавления нараставшего в крае сопротивления. В 1917 г. германские власти вынуждены были послать против борющегося литовского народа новые военные силы⁶⁷.

Огромное влияние оказала на борьбу литовских трудящихся против германского империализма и его местных пособников Февральская революция в России. «Известие о свержении русскими рабочими и крестьянами царской власти литовские рабочие и крестьяне встретили с большим энтузиазмом...— указывал И. Гашка.— Беглые русские военнопленные стали действовать намного смелее»⁶⁸. Рукописная газета Илакяйского подпольного революционного кружка писала: «Долой царей и всех господ угнетателей! Достаточно насосались нашей крови, разогнем свою усталую спину, поднимем свою мощную руку!»⁶⁹

Уверенность в скором крушении власти оккупантов крепла с каждым днем. Под влиянием Февральской революции оживили свою деятельность старые и создавались новые революционные кружки (в Мариамполе, Соснаве, Седе, Илакяй, Купишкисе, Скайшкисе, Субачосе и др.)⁷⁰.

Развитие революционных событий в России способствовало глубокому политическому расхождению литовского общества. В основе этого процесса лежало различное отношение отдельных классов и социальных групп к империалистической Германии. В одном лагере, непримиримо относившемся к иностранным угнетателям, находились городской и сельский пролетариат и трудовое крестьянство. В другом — оказались все эксплуататорские элементы, которые «смотрели на Германию как на своего защитника от...революции»⁷¹. Один из главарей литовских буржуазных националистов, Ю. Шаулис, 3 августа 1916 г. заявил: «Выплыть на поверхность мы можем только с помощью немцев». «Пассивизм (то есть отказ от сотрудничества с оккупантами.—А. С.)—порок»⁷²,—вторил ему А. Сметона. К покорности германским захватчикам усиленно призывало духовенство, комплектовавшееся в основном из кулаков. В то время как народ стонал под колониальным игом, а его лучшие сыновья поднимались на борьбу за социальную и национальную свободу, клерикалы обращались к массам с призывами к повиновению⁷³. После того как германская администрация, удовлетворенная позицией духовенства, в начале 1916 г. назначила ксендзам правительственную догацию⁷⁴, Жемайтский

⁶⁶ Там же, д. 883а, лл. 164, 165; д. 53, л. 106.

⁶⁷ Там же, д. 53, л. 87; д. 52, л. 100; д. 734, л. 20; д. 883а, л. 225; д. 964б, лл. 7, 37, 42.

⁶⁸ Цит по: V. K a p s u k a s. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija..., стр. 35.

⁶⁹ «Tiesa» № 62, 14 марта 1957 года.

⁷⁰ ЦГА Лит. ССР, ф.р. 1208, оп. 1, д. 53, лл. 163, 164; д. 572, лл. 65, 121; «Tiesa» № 62, 14 марта 1957 года.

⁷¹ «Tiesa» № 7, 2 февраля (20 января) 1918 года.

⁷² ОРАНЛ, МВ — V, л. 27.

⁷³ Газета «Dabartis» № 13, 23 февраля 1916 года.

⁷⁴ ОРАНЛ, VOL—44.

епископат начал угрожать всем, кто сопротивляется оккупационному режиму, божьим гневом и страшным судом⁷⁵.

Среди сторонников сотрудничества с империалистической Германией существовали разные течения. Часть литовских буржуазных националистов, представлявшая главным образом кулаков, и социал-предатели выдвинули лозунг «независимой демократической Литвы». Они распространяли соглашательские иллюзии о возможности получения независимости из рук германских колонизаторов, пытаясь таким путем внести разброд в ряды тех, кто вел борьбу за подлинное национальное и социальное освобождение. Однако лозунг «независимой демократической Литвы» пугал литовских помещиков и верхушку католического духовенства. Они боялись, как бы в конечном итоге не оказался нарушенным принцип «священной» частной собственности, и поэтому выступали за полную покорность оккупационным властям.

На тех же позициях стояло большинство помещиков польской национальности, хотя германская администрация, секвестрируя поместья, в первую очередь вытеснила именно эту часть землевладельцев. «Польские крупные собственники стали дружественными к Германии, — писал расейняйский крейсгауптман, — теперь они уже потеряли надежду на соединение с Польшей... Они ничего не боятся так, как эвакуации этой территории (германскими войсками. — А. С.) и создания полностью независимой от Германии Литвы. Я думаю, что в сравнении с этим даже полное присоединение к наводящей на них страх Пруссии им казалось бы меньшим злом»⁷⁶.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, а также в связи с обострением в Литве классовых противоречий различия между отдельными группами сторонников сотрудничества с кайзеровской Германией постепенно исчезали. Вместе с тем раскрывалось подлинное лицо буржуазных и социал-предательских апологетов лицемерного лозунга «независимой демократической Литвы» под эгидой оккупантов. Об этом красноречиво говорят берлинский протокол от 1 декабря 1917 г. и договор, заключенный в Литве с представителем германского канцлера Лерснером 10 декабря того же года⁷⁷. Названные документы были подписаны с «литовской стороны» главарями буржуазных националистов А. Сметоной и Ю. Шаулисом и социал-предателем Ст. Кайрисом. Они приковывали Литву «вечными узами» к Германской империи. Государственный строй «демократической Литвы» националисты понимали по-своему. Литовская Тариба⁷⁸ 8 декабря 1917 г. приняла решение о провозглашении Литвы монархией⁷⁹.

Трубящиеся массы видели в сторонниках сотрудничества с оккупантами своих врагов. «Любые переговоры с немцами рассматривались народом как предательство его дела, как подлость», — вынужден был признать один из литовских буржуазных деятелей того времени⁸⁰. В этих условиях главная отличительная черта народного движения в Литве после Февральской революции состояла в том, что оно стало носить ярко выраженный классовый характер. Направляя свои удары по немецким оккупантам, литовский народ на первый план выдвигает в 1917 г. борьбу против местных эксплуататоров, сотрудничавших с захватчиками. Особенно сильно последняя развернулась в деревне против наиболее гнусной части кулаче-

⁷⁵ ЦГА Лит. ССР, ф. р. 1208, оп. 1, д. 879, л. 36

⁷⁶ Там же, д. 53, л. 199.

⁷⁷ Там же, ф. 59, оп. 3, д. 1, лл. 25, 26, 37.

⁷⁸ Так называемый «Национальный совет» — контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, созданная оккупантами осенью 1917 года.

⁷⁹ ЦГА Лит. ССР, ф. 59, оп. 3, д. 1, л. 34, 11 июля 1918 г. Литовская Тариба провозгласила королем Литвы под именем Миндаугаса II германского герцога Вильгельма фон Ураха (там же, л. 159).

⁸⁰ K. J o k a n t a s. Suvalkų Kalvarių vokiečių okupacijos metu (1915—1918). Kaunas. 1937, 66 psl.

ства — деревенских старост, являвшихся прямыми агентами оккупантов. 30 июля 1917 г. расейняйский крейсгауптман сообщал: «В первую очередь объектом нападений являются старосты и среди них прежде всего, естественно, те, которые особенно строго стоят за порядок и за выполнение распоряжений управления»⁸¹. Летом и осенью того же года заслуженная кара постигла большое число сотрудничавших с оккупантами кулаков и старост в различных районах Литвы⁸².

Фактически действия сельских пролетариев носили характер классового террора. Купишкисский крейсгауптман доносил, что в создавшихся условиях деревенские старосты не могли выполнять распоряжений оккупантов, ибо наталкивались на «всеобщее сопротивление населения, с которым они никак не могли справиться»⁸³.

Другой отличительной чертой движения после Февральской революции был переход к активным формам борьбы. Отказ от выполнения повинностей приобретал массовый характер и переходил в бунты в ряде деревень⁸⁴. Гораздо более частым явлением стали убийства жандармов, германских военнослужащих, поджоги амбаров с запасами продуктов, предназначенных для сдачи властям, и т. д. В приказе этапного инспектора 10-й армии от 9 октября 1917 г. говорилось: «В последнее время умножаются случаи, когда на железнодорожных участках в оперативной и этапной полосах совершаются диверсии с целью пустить поезда под откос»⁸⁵.

После Февральской революции стали пополняться за счет местных жителей отряды «лесных братьев». В некоторых районах создавались боевые группы, состоявшие целиком из трудящихся Литвы. «Вместо того, чтобы издыхать с голоду, — писал В. Капсукас-Мицкявичюс, — бедняки деревни стали мстить и бить жандармов и их агентов, кулаков, помещиков и ксендзов и забирать у них то, что они им создали своим кровавым потом»⁸⁶. Германские власти признавали: «В последнее время установлено, что процент, который составляют в вооруженных отрядах «сбежавшие русские военнопленные, снижается и что они получают пополнение из местного населения...»⁸⁷.

О национальном составе борцов с германскими колонизаторами и их пособниками можно судить по следующим фактам. В результате совместных действий полиции, жандармерии и четырех эскадронов драгун против вооруженных отрядов в Биржайском крейсе в течение 1917 г., кроме убитых на месте, было схвачено 279 чел., в том числе 47 бывших военнослужащих русской армии. Большинство арестованных из числа местных жителей составляли рабочие, причем 29 из них были беглецами из батальонов принудительного труда. Биржайский крейсгауптман в своем отчете от 21 марта 1917 г. отметил, что хотя на подведомственной ему территории осталось мало бывших русских военнослужащих, вооруженные нападения на кулаков и помещиков учащаются⁸⁸. То же самое наблюдалось и в остальных крейсах. Например, в отчете каунасского крейсгауптмана от 1 октября 1917 г. приводятся следующие данные об одной из операций: всего убито местных жителей и бывших русских военнослужащих 9; захвачено в плен 8 бывших русских военнослужащих и 27 местных жителей, в том числе 17 рабочих, бежавших из батальонов принудительного труда⁸⁹.

Вооруженные отряды особенно в 1917 г. нападали на усадьбы богатых

⁸¹ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 53, л. 146

⁸² Там же, д. 119, лл. 24, 29, 139, 173, 175, 200, 201; д. 388, лл. 14, 18, 19, 23; д. 952, лл. 89, 90, 92.

⁸³ Там же, д. 572, л. 126.

⁸⁴ Там же, д. 53, л. 134.

⁸⁵ Там же, д. 964, л. 36.

⁸⁶ V. K a p s u k a s. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija..., стр. 48.

⁸⁷ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 53, л. 146.

⁸⁸ Там же, д. 52, лл. 179, 230, 253.

⁸⁹ Там же, д. 584, лл. 68, 69.

собственников в целях изъятия у них запасов продовольствия и одежды. Поскольку оккупанты любыми средствами отнимали у крестьян почти весь урожай⁹⁰, а исключением в этом смысле были обычно помещики и кулаки, постольку изъятие у них продуктов вооруженными отрядами было своеобразной формой борьбы против германских империалистов и их пособников. В. Капсукас-Мицкявичюс писал, что в этих актах «были явные элементы классовой борьбы и даже революционной борьбы»⁹¹. Действия вооруженных отрядов местных жителей, особенно усилившиеся осенью 1917 г., были направлены также на срыв поставок продуктов оккупантам. 5 октября группа в 7 человек совершила нападение на хозяйство кулака И. Шилинского в деревне Судваяй (близ Алитуса), 29 сентября отряд в 15 человек напал на хозяйство кулака Балтромюнаса в деревне Юшконяй (Паневежисский район), 19 сентября отряд в 20 человек реквизировал продукты, имущество в поместье Вепай (близ Гайжишкяй, Купишкисского крайса), 20 сентября отряд в 20 человек разгромил хозяйство помещика Коскова и т. д. Вооруженные отряды делали все возможное, чтобы защитить крестьян-бедняков от колониального грабежа⁹².

В 1917 г. активизируются действия вооруженных отрядов против тылов германской армии, жандармских станций и патрулей. Осенью были осуществлены нападения на жандармские станции в Скаурде, Прусяле (Купишкисский крайс), Рукейчяй (близ Шауляй) и т. д. Эти операции часто сопровождалась серьезными боями. Большое сражение произошло в Кирмеляй. Крупные бои «лесных братьев» с жандармскими отрядами и войсковыми подразделениями осенью того же года шли у Расейняй (4 октября), между Ужварчяй и Губтелчяй, близ Кейдайняй (6 октября)⁹³ и т. д. 2 июля 1917 г. каунасский крейсшауптман писал, что выступления вооруженных отрядов «в летние месяцы стали многочисленнее прежнего» и что последние состояли из многих сотен вооруженных людей⁹⁴. Действия «лесных братьев» заставляли начальников немецких военных уездных управлений обращаться за срочной помощью непосредственно к командующему 10-й армией, минуя своих прямых начальников⁹⁵. Страх навели на оккупантов отряды Стасиса Вайциса (окрестности местечка Лидуvenaй), Синкявичюса (Шинкевича) (обе стороны границы между Литвой и Курземе), латыша, бывшего военнопленного Янсона⁹⁶ и др.

Общую численность отрядов «лесных братьев» на территории Литвы трудно установить, поскольку большая часть русских, входивших в их состав, ушла на родину, как только утихли бои на Восточном фронте. Имеющиеся документы свидетельствуют о «многих сотнях вооруженных людей» в Расейняйском и Каунасском крайсах, о большом количестве отрядов в Купишкисском, Биржайском, Ионишкелисском⁹⁷ и других крайсах, расположенных на территории бывшей Ковенской губернии. Даже если предположить, что цифра 20 тыс. «лесных братьев», действовавших, по некоторым данным, в Ковенской губернии⁹⁸, преувеличена, можно, однако, с уверенностью сказать о многих тысячах активных борцов против германских колонизаторов и их пособников.

После Февральской революции антиимпериалистическое движение в Литве встречало все большую поддержку революционно настроенных немецких солдат. Усиление революционных настроений и недовольства

⁹⁰ См. там же, д. 952, л. 43; д. 728, л. 7; ф. 59, оп. 3, д. 1, приложение к листу 204.

⁹¹ V. K a p s u k a s. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija..., стр. 48.

⁹² ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 952, лл. 89, 92; д. 146, л. 16.

⁹³ Там же, д. 572, л. 109; д. 952, л. 92.

⁹⁴ Там же, д. 584, лл. 32, 38, 39.

⁹⁵ Там же, д. 883а, л. 238.

⁹⁶ A. L a i š v u d a s. Po Liudendorfo batū. Maskva. 1942, 24 psl.; фототека Историко-революционного музея Литовской ССР.

⁹⁷ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 52, л. 179.

⁹⁸ Партархив ЦК КП Белоруссии, ф. 4, оп. 7, д. 4, л. 11.

затягивавшейся войной уже осенью 1915 г. привело к увеличению числа дезертиров, о чем говорят официальные документы германского военного командования⁹⁹. После Февральской революции немецкие солдаты стали брататься с местными рабочими и крестьянами¹⁰⁰. Лица, бежавшие из германского плена и из батальонов принудительного труда, все чаще встречали в лесах немецких дезертиров¹⁰¹. Приказы этапной инспекции и циркуляры тайной полиции показывают, что летом и осенью 1917 г. не проходило дня без того, чтобы не обнаружился случай дезертирства из комендатур, расположенных в Литве. От дезертиров русские военнослужащие получали необходимые им документы (паспорта, справки) и даже оружие¹⁰². Немало бывших немецких солдат включалось в активную антиимпериалистическую борьбу. Купишкисский крейсгауптман в отчете от 3 июля 1917 г. писал о немецком унтер-офицере Юдзе, руководившем крупным отрядом народных мстителей, как об «опасном вожде», которого никак не удавалось поймать¹⁰³. Участие немецких солдат подчеркивало интернациональный характер антиимпериалистического движения в Литве.

Размах этого движения в 1915—1917 гг., несмотря на его в основном стихийный характер, привел к тому, что оккупанты были вынуждены изменить свою политику грубой силы и перейти к другим формам управления. Летом 1917 г. было предписано местным властям при проведении любого мероприятия вести разъяснительную работу среди населения, обещая ему, что будто бы после окончания войны все повинности, вызываемые якобы лишь военной необходимостью, будут отменены¹⁰⁴. В 1917 г. были сняты некоторые ограничения на железных дорогах, установленные немецкими властями для местных жителей¹⁰⁵. Значительной уступкой, вырванной народными массами у оккупантов, было введение осенью 1917 г. отдельными крейсгауптманами выборности деревенских старост после того, как большая часть назначенных захватчиками старост была истреблена¹⁰⁶.

Летом 1917 г. германские империалисты уже не могли открыто заявлять о своих подлинных намерениях относительно Литвы. Оккупантам пришлось пойти на создание подобия народного представительства для того, чтобы разыграть комедию «добровольного» присоединения Литвы к Германской империи. Однако сопротивление трудящихся принудило захватчиков отказаться от созыва так называемого «Vertrauensrat» (совета доверенных) из назначенных крейсгауптманами «представителей литовского народа». Большинство последних должно было отказаться от участия в этом органе¹⁰⁷ из-за страха перед народом. Немецкие власти были вынуждены в сентябре 1917 г. создать упомянутую выше Литовскую Тарибу под руководством главарей литовских буржуазных националистов — верных слуг германского империализма А. Сметоны, Ю. Шаулиса и их социал-предательских пособников типа Ст. Кайриса. Тарибе была придана видимость выборного представительства. Таким путем германские колонизаторы хотели внести раскол в антиимпериалистическое движение. Однако предательство буржуазных националистов не могло приостановить развития революционного движения в крае. Уступки же, сделанные германским империализмом, были лишь побочным результатом борьбы широких народных масс Литвы за социальное

⁹⁹ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 728, л. 42; ОРАНЛ, VOL—42.

¹⁰⁰ V. Karsukas. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija..., стр. 35.

¹⁰¹ Там же, стр. 46.

¹⁰² ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 964; д. 728, лл. 4, 9 и др.; д. 734, лл. 6, 7; д. 53, лл. 172, 173.

¹⁰³ Там же, д. 572, л. 67.

¹⁰⁴ Там же, л. 85.

¹⁰⁵ «Dabartis» № 3, 10 января 1917 года.

¹⁰⁶ ЦГА Лит. ССР, ф-р. 1208, оп. 1, д. 572, л. 126.

¹⁰⁷ P. Klimaitis. Указ. соч., стр. XIII; ср. ОРАНЛ, 156 MB—V, л. 11.

и национальное освобождение. Под могучим воздействием пролетарской революции в России антиимпериалистическое движение в Литве поднялось на новую, высшую ступень.

Многочисленные факты показывают, что в Литве уже в период 1915—1917 гг. (до Великой Октябрьской социалистической революции) развернулось широкое народное движение, направленное против попыток германского империализма превратить Литву в свою колонию. Борьба народных масс носила интернациональный характер, ибо за свободу литовского народа плечом к плечу с трудящимися Литвы выступали рабочие и крестьяне русской, польской, латышской и других национальностей. По мере своего развития это национально-освободительное движение все сильнее переплеталось с классовой борьбой. Однако политический характер борьбы в эти годы не выявился еще в достаточной степени ярко, поскольку трудящиеся оккупированной Литвы не имели своей революционной партии, которая бы возглавила их и придала бы организованный характер отдельным стихийным выступлениям против германского империализма и его сообщников из среды местных эксплуататоров.

Подпольные революционные группы, возникшие в Литве в 1917 г., указывали на насущную потребность руководства борьбой народных масс из единого центра. Это учитывали большевики, возвращавшиеся после заключения Брестского мира вместе со многими тысячами литовских рабочих из центральных областей России на родину. Вооруженные марксистско-ленинской идеологией и опытом, накопленным в революционных боях в рядах пролетариата России против царизма и капитализма, литовские коммунисты придали антиимпериалистическому движению классовую целеустремленность, очистили его от анархистской и иной шелухи, появлявшейся в ходе стихийной борьбы масс. Они создали в начале октября 1918 г. Коммунистическую партию Литвы, которая возглавила трудящихся в борьбе за победу Советской власти.
